- Я думаю, что Амбридж может пойти, - резко сказал Гольдштейн. Он был хорошо проинформирован Роном и сразу же принял его предложение поговорить за завтраком со столом Когтеврана, проинструктировав их, что никто не должен говорить с Амбридж о создании клуба до тех пор, пока старосты не соберутся вечером. - Я также не думаю, что она в безопасности в Министерстве. - это привлекло внимание Малфоя, потому что дед Гольдштейна одно время был министром, и многие из семьи Гольдштейнов занимали должности в Министерстве, некоторые занимали очень высокие посты - Гольдштейн мог быть хорошо информирован о таких вещах.

- Да, - продолжал Гольдштейн, ложь давалась ему очень легко, - Амбридж была послана сюда только потому, что первые два кандидата отказались помочь Министерству захватить Хогвартс. Амбридж была для Фаджа лишь отдаленной третьей кандидатурой. Если она столкнется с проблемами и ее придется убрать - что ж, я не хотел бы быть на ее месте. - все это, конечно, чепуха, но Гольдштейн знал, что Малфой будет лакомиться такими вещами. Драко очень привлекала идея повреждения или уничтожения людей, поэтому на третьем курсе он попытался убрать Хагрида. Малфою нравилась идея дискредитации Амбридж и увольнения учителей, но идея отстранения самой Амбридж нравилась ему еще больше, при условии, конечно, что это было сделано без риска для Малфоя, на случай, если все обернется против него.

-Ну, - обратился Малфой к Эрни, - Что ты предлагаешь нам делать?

Теперь Ханна заговорила впервые. - Мы с Эрни думаем, что не должны ничего делать, совсем ничего. - в ответ на озадаченный и презрительный взгляд Паркинсон Ханна продолжила, - Я имею в виду вот что. Я не думаю, что мы должны нарушать это правило. Вместо этого мы должны строго подчиняться ему. Ни клубов, ни команд, ни собраний, вообще ничего. Это будет похоже на наказание всей школы. И ради чего? Глупый каприз? Амбридж будет выглядеть дурой.

Рон сердито перебил Ханну, - Это хорошо, что ты так говоришь. Ты не играешь в квиддич. Запрет Амбридж ничего с тобой не сделает. - Падма покачала головой, защищая Ханну.

- Это нечестно, Рон. Для некоторых из нас квиддич действительно не имеет значения, но для других - имеет. Мы с Ханной обе состоим в клубе зельеварения, и на этой неделе мы собирались начать что-то действительно замечательное - зелье, которое помогает быстро выучить языки. Я не уверена, что Амбридж позволит любому клубу переформироваться, если это сделает кого-то из нас более опытным. Вот чего она боится. Мне нравится идея Ханны.

- Мне тоже, - сказал Малфой, и Пэнси рядом с ним автоматически кивнула в знак согласия. - Падма, Энтони, что вы думаете? - оба когтевранца с готовностью согласились.

- Ну что ж, - сказал Малфой, - Остаются только два наших храбрых Гриффиндорца. Вы собираетесь присоединиться к остальным или нет?

- Похоже, у нас нет выбора, - сказала Гермиона, подавляя Рона жестом, когда он попытался

заговорить. - Если остальные из вас не пойдут к Амбридж за разрешением на переформирование клубов и команд, нет смысла Гриффиндорцам делать это в одиночку - мы не можем иметь все клубы и команды только с Гриффиндором. - при этих словах Рон обмяк в кресле, явно пораженный логикой Гермионы.

- Тогда решено, - сказал Малфой. - Пусть протокол покажет, что старосты единодушно согласны с тем, что мы должны помочь Амбридж, убедившись, что последний декрет строго соблюдается. Каждый из нас будет нести ответственность за то, чтобы никто не пытался проводить групповые мероприятия на территории, в общих комнатах или в общих спальнях. Вот что покажет протокол. Но, конечно, мы поговорим с нашими соответствующими факультетами и скажем им, что ни при каких обстоятельствах никто не должен обращаться к Амбридж от имени какой-либо команды, группы или клуба.

Лицо Имоджин приняло решительное выражение, когда Гермиона рассказала ей о результатах встречи в общей комнате позже вечером. Ее план начался достаточно хорошо - все четыре факультета были объединены, хотя бы для одной цели, и хотя бы потому, что Слизерин был вовлечен в сотрудничество. Но, по крайней мере, они были едины - это хоть что-то значило.

- Как ты думаешь, как она отреагирует? - спросила Имоджин у Гермионы.

- Понятия не имею. Она настолько тупа, что ей, вероятно, потребуется некоторое время, чтобы понять, что происходит.

Как оказалось, Амбридж была не так глупа, как предполагала Гермиона. Не прошло и недели, как она поняла, что ни один студент к ней не подойдет. Первые несколько дней Амбридж полагала, что студенты просто опасаются приближаться к ней. Но когда ни один проситель не пришел к ней в кабинет просить разрешения, она заподозрила, что ее указу не подчиняются, и что причина, по которой никто не спрашивает разрешения, заключается в том, что студенты решили обойтись без него. Но за следующие день-два она навела справки, насколько могла, и, насколько она могла судить, вся деятельность клубов прекратилась. Часто в это время она ходила по коридорам и вдруг распахивала дверь в неиспользуемый класс, надеясь застать учеников вместе. Или она уходила в лес и оттуда наблюдала за окрестностями, надеясь застать там нескольких студентов, занимающихся квиддичем. Но не было никаких признаков какой-либо незаконной деятельности.

В каком-то смысле Амбридж была рада, что ее боятся и что ученики не осмеливаются ослушаться ее приказов. Но другая ее часть была глубоко разочарована тем, что никто не пришел умолять. Она с нетерпением ждала таких встреч и представляла себе, как с сомнением смотрит на каждую просьбу, притворяясь, что это вопрос чрезвычайной важности, может ли шахматный клуб играть, или что судьба человечества зависит от того, разрешат ли хору снова петь. Но в особенности ей хотелось увидеть лица различных представителей квиддичных команд. Эта дурацкая игра - она ненавидела ее, когда училась в Хогвартсе, и ненавидела до сих пор. Там, в министерстве, было столько пустой болтовни о спорте, о том, победит ли та или иная команда того-то и того-то, и если да, то насколько - все чепуха. Но ничего из этого не произошло. Никто не стучал в дверь, никто не подходил к ней в холле, умоляя об аудиенции. Время шло, и она начала понимать, что никаких уговоров не будет. Никто не собирался обращаться к ней с серьезной просьбой разрешить их клубу встретиться. Она чувствовала на

себе холодные взгляды всех учеников, даже слизеринцев - членов ее собственного факультета, на которых, как ей казалось, она могла положиться. А со стороны учителей все было еще хуже - она не могла не заметить насмешливо-презрительных взглядов за обедом или того, как все разговоры обрывались в тот момент, когда она входила в учительскую.

Наступил понедельник, следующий за изданием декрета, и Амбридж сидела в своем кабинете с чашкой чая в руке и ежедневным пророком на столе. Одна вещь, которую она пропустила в результате своего назначения в Хогвартс, была в центре событий в министерстве в Лондоне, и она читала каждый выпуск Пророка с пристальным вниманием, пытаясь быть в курсе событий. Будучи аппаратчиком Министерства, она хорошо умела читать между строк и по внешне безобидным пунктам определять, кто за, а кто нет. Сегодня утром она начала со статьи, которая на первый взгляд была достаточно обычной статьей об ограничениях на импорт магических предметов, но на самом деле была критикой заместителя министра, ответственного за торговлю - хорошо, что она давно от него дистанцировалась. Но затем она снова повернулась к первой странице, чтобы посмотреть, что еще происходит, и была встречена следующей статьей на две трети ниже страницы.

- Задержание для всех в Хогвартсе

Это не очень весело (статья начиналась) быть студентом в Хогвартсе в эти дни. В своей одобренной Министерством попытке взять школу под контроль Генеральный Инспектор Делорес Амбридж на прошлой неделе приняла крайнюю меру, запретив все клубы и команды. Любая деятельность с участием более двух студентов была отменена. (Здесь в статье цитировался текст образовательного декрета № 24, а затем продолжение). До сих пор ни одна команда или группа не получила разрешения на реформирование, и нет никаких оснований полагать, что г-жа Амбридж смягчится в ближайшее время.

http://tl.rulate.ru/book/43789/1041941